

ИРИНА НИКОЛАЕВНА ДЬЯЧКОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)  
gyla4@yandex.ru

## ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ В «РОССИЙСКОЙ ГРАММАТИКЕ» А. А. БАРСОВА\*

Статья посвящена теоретической разработке имени числительного в выдающемся памятнике русской лингвистической мысли XVIII века – «Российской грамматике» А. А. Барсова. Устанавливается, что Барсов первым из отечественных грамматистов предпринимает попытку представить лексико-семантическую классификацию русских числительных, применение принципов которой, несмотря на явную связь с европейской грамматической традицией, не мешает исследователю осознать своеобразие конкретного языкового материала. Интерес создателя «Российской грамматики», в равной мере проявляющийся как в отношении к традиционной письменности, так и во внимании к живому языку, «простому употреблению», позволяет выявить более широкую, нежели в грамматике М. В. Ломоносова, зону вариативности в функционировании числительных не только в русском литературном языке, но и в разговорной речи конца XVIII века. Особого внимания заслуживает истолкование синтаксических свойств нумеративов в «Российской грамматике», обнаруживающее много общего с их современной лингвистической интерпретацией.

Ключевые слова: имя числительное, «Российская грамматика» А. А. Барсова, русский литературный язык, XVIII век

«Российская грамматика», написанная в 1784–1788 годах профессором кафедры красноречия (элоквенции) Московского университета Антоном Алексеевичем Барсовым, появилась на свет в период, который в истории отечественного языкоznания вполне справедливо называется ломоносовским [1; 23]. Действительно, невозможно переоценить ту роль, которую в истории русской грамматической мысли, в развитии русского литературного языка сыграла появившаяся на тридцатилетие ранее одноименная грамматика М. В. Ломоносова. Помимо своего теоретического значения, труд Ломоносова, составленный как научное исследование, стал «незаменимым учебным руководством для нескольких поколений русских людей» [5; 4]: спрос на него был настолько велик, что в течение второй половины XVIII века он переиздавался пять раз.

В отличие от ломоносовской «Российской грамматики» А. А. Барсова не смогла приобрести в обществе современников ни читателей, ни почитателей, поскольку так и не была издана. Готовившаяся «по высочайшему повелению» как учебное пособие для учрежденных Екатериной II народных училищ, она, по всей видимости, не удовлетворила заказчика своим объемом и глубиной теоретической разработки [9; 27], во многом превосходящими не только требования курса данных учебных заведений, но и научные сведения о языке своего времени, изложенные Ломоносовым.

В связи с тем что грамматика Барсова впервые стала доступна широкому кругу читателей лишь в 1981 году благодаря публикации рукописи, осуществленной Б. А. Успенским и М. П. Тоболовой

[6], она по вполне понятным причинам не смогла оказать сколько-нибудь существенного влияния на развитие русского литературного языка в период его становления, напряженного поиска общенациональной литературной нормы. Между тем дальнейшая судьба «Российской грамматики» показывает, что лингвистическое наследие Барсова не было забыто: в разное время к нему обращались такие видные русские и советские языковеды, как Ф. И. Буслаев, В. В. Виноградов, П. С. Кузнецов, М. В. Панов, Б. А. Успенский, предположительно – Ф. Ф. Фортунатов [9; 6–7] и др. Учителем и большим почитателем А. А. Барсова, ученого и преподавателя, был известный реформатор русского литературного языка Н. М. Карамзин, назвавший его «Великим мужем Русской Грамматики» в специально посвященном ему сочинении [4].

Плодотворными для русского языкоznания и опередившими свое время оказались идеи Барсова о разграничении словообразования и словоизменения, развитые впоследствии представителями формальной школы. В его грамматике предложение впервые рассматривается как основная единица синтаксиса, а сам анализ значительно углубляется изучением порядка слов. Барсовым в обиход отечественной русистики были введены такие грамматические термины, как *простое и сложное предложение, логическое подлежащее и сказуемое, порядковые числительные, согласование, управление и приложение* [9]. Принципиальная новизна как этих, так и многих других идей и предложений Барсова, без сомнения, убеждает в том, что его «Российская грамматика» «представляет собой выдающийся

памятник отечественной лингвистики второй половины XVIII в.» (из аннотации к [6]).

Впрочем, этот труд может быть не менее интересен для исследователей и в другом отношении: будучи вполне оригинальным сочинением, в отличие от грамматических руководств многочисленных эпигонов Ломоносова (см., например, [7], [8]), барсовская грамматика зачастую содержит «универальный языковой материал периода становления русского литературного языка нового времени» [6; 2] и вследствие этого является бесценным источником для его изучения.

Предметом анализа в данной статье стала разработка в «Российской грамматике» имени числительного. Оговоримся, что, поскольку объем настоящей публикации не позволяет подробно рассмотреть все детали описания нумеративов в исследуемом источнике (тем более с широким привлечением фактов литературно-письменной практики столетия), мы попытаемся ограничиться самыми общими замечаниями.

В соответствии со сложившейся грамматической традицией, идущей еще из античности, Барсов, как и Ломоносов, не выделяет числительное из общей категории имени (признание числительных самостоятельной частью речи в русском языке осуществляется только в середине XIX века). Однако грамматическое описание нумеративов у Барсова намного обширнее и детальнее, чем обзор в соответствующей работе Ломоносова. Например, по всей видимости, первым в отечественной русистике Барсов пытается дать определение («изъяснение») общекатегориального значения имен числительных: «между прилагательными особо примечаются имена числительные, т. е. число вещей показывающие»<sup>1</sup> [6; 416].

В отличие от грамматики Ломоносова имена числительные подразделяются Барсовым на разряды не только по «начертанию» и «виду» (принцип дифференциации нумеративов на простые и сложные, первообразные и производные, по нашим данным, используется уже в грамматике церковнославянского языка М. Смотрицкого), но и приемлют в языке «некоторое особенное разделение»<sup>2</sup>.

На основе этого «разделения» Барсов впервые в русской грамматике пытается установить основные лексико-семантические разряды числительных, которые получают у него следующие названия:

1. *Основательные* (*cardinalia*), соответствующие современным количественным и отвечающие на вопрос *сколько?*;

2. *Порядочные*, или «удобнее» *порядковые* (*ordinalia*), отвечающие на вопрос *сколький?*;

3. *Разделительные* (*dividentia*), отвечающие на вопрос *коликогубый?*. Слова этой группы, по Барсову, показывают, «на сколько разных родовъ какая-нибудь вещь разделяется», например, *сугубый, трегубый, двоякий, троякий*.

4. *Умножительные* (*multiplikativa*), которые отвечают на вопрос *коликократный?* (в качестве примеров автором приводятся, в частности, такие лексемы, как *двукратный, троекратный, пятикратный*);

5. *Соразмерные* (*proportionalia*), отвечающие на вопрос *коликосугубый?* со значением: во сколько раз больше. Примеры: *двойной, тройной, четверичный* и др. [6; 502–505].

Несомненно, что как сама классификация, так и названия обозначенных разрядов в грамматике Барсова не были его авторским изобретением (о чем, например, красноречиво свидетельствуют латинские соответствия наименований разрядов в скобках), по всей видимости, они были заимствованы из немецкой грамматики, которую настоятельно рекомендовалось использовать Барсову в качестве образца, «обрашая на свойство русского языка находящиеся в нем (образце. – И. Д.) правила о немецком» (цит. по: [9; 22]).

Однако в отношении к русскому языку автор грамматики применяет это деление отнюдь не механически, отчетливо понимая специфику иного языкового материала. Так, например, по поводу разрядов разделительных, умножительных и соразмерных он дает следующее примечание: «зnamенование сих трех званий сомнительно и смешано у одного с другим» [6; 505], по-видимому, осознавая невозможность четкого семантического разграничения отнесенных к данным разрядам слов в русском языке.

Используя грамматическую схему, усвоенную из европейских грамматик, Барсов между тем обнаруживает, что «в Российской языке находятся еще другимъ языкамъ не известныя, и по тому особылия звания (в других грамматиках. – И. Д.) не имеющия числительная основательные, которая можно назвать *соединительными*, поелику оныя означают лица или вещи *въ соединении и въ сообществе* существующия, действующия или страждущия» [6; 505–506]. Так, в русской грамматике впервые выделяется особый лексико-семантический разряд собирательных числительных, причем предпринимается попытка обозначить семантическую «разность» этих лексем в сопоставлении с количественными – вопрос, на который даже современная лингвистика не может дать однозначного ответа (подробнее см. [2; 34–36]).

Помимо соединительных, Барсов находит в русском языке еще одну группу нумеративов, не имеющих особого наименования в известных ему грамматиках, а потому, по его словам, «безымянных» выражений «целыхъ чисель с половиню чрезъ слово поль... Оныя для различия могут названы быть *головинными* и суть *следующия, полтора, полчетверта, полпяты...* и проч.» [6; 506–507].

Таким образом, дифференциация языкового материала по традиционным грамматическим

рубрикам носит у Барсова творческий характер, обнаруживает самостоятельность мышления автора, его внимание к своеобразию родного языка, его употреблению. Важно, что Барсов не только выделяет данные группы: он, в отличие от своих предшественников (прежде всего Ломоносова), именно эту систему разделения в процессе описания нумеративов принимает как основную, а классификацию по словообразовательному принципу подчиняет ей. Как известно, подобным образом в русской грамматике числительные рассматриваются и по сей день.

Между тем широкий подход при отнесении слов к данной части речи, представленный в грамматике Барсова, в определенной степени мешает ему правильно дифференцировать лексемы с количественным значением. Признавая неизменяемые слова *вдвое, втрое, вчетверо* наречиями, он все же, как мы видели, относит слова *двойной, четверной, двукратный* к категории числительных, «произведение» которых, как он уточняет, в языке совсем неправильно [6; 505]. По всей видимости, верно квалифицировать данные лексемы Барсову в первую очередь помешала та априорная схема лексико-семантических разрядов, которую он применил, ориентируясь на традиции латинской грамматики, однако не исключаем, что свою роль могла здесь сыграть и морфологическая близость этих слов с порядковыми числительными.

Своебразие лингвистических взглядов А. А. Барсова отчетливо проявляется и в его представлении лексического состава числительных в литературном языке своего времени. Так, являясь последователем Ломоносова и позднего Тредиаковского в отношении к церковнославянскому языку как источнику обогащения русского, он вводит в свою грамматику практически все дублетные «славенские» наименования числительных, отличающиеся от соответствующих русских, например *единъ, седмъ, дванадесятъ, четыредесятъ* и др., указывая, что они «въ важном содержании речи и слоге употребительны» [6; 503]. Переносятся из ломоносовской грамматики и аналогичные стилистические пометы относительно использования порядковых числительных типа *вторый надесять, пятый надесять*, которые также рекомендуется употреблять «только въ важныхъ случаяхъ и числахъ месячныхъ <...> Карл *второй надесять*, <...> также сентября *пятое надесять*» [6; 505].

Что касается порядковых числительных, то они действительно по традиции, закрепленной впоследствии авторитетом ломоносовских рекомендаций, употреблялись в течение всего XVIII столетия чаще всего именно так, независимо от жанрово-стилистической принадлежности текста — в *пятом надесять столетии, съ седмаго надесять года, Людовика первого надесять, явление третиенадесять* и под. (подробнее см.: [2; 122–125]). Примеры же, отмеченные Барсовым

для количественных числительных типа *единонадесять учениковъ христовыхъ, дванадесять апостоловъ* и проч., обнаруживают явную связь с преимущественно религиозной сферой их использования и косвенно свидетельствуют только о том, насколько значимой для решения вопросов нормализации литературного языка в XVIII веке, и в частности для Барсова, продолжала оставаться церковнославянская письменность. По нашим данным [2; 120–122], в узусе литературно-светской речевой практики в послеломоносовский период такие образования количественных числительных встречаются крайне редко и фактически всегда в указанных или им подобных контекстах (*дванадесять праздников*). Исключение составляет разве что употребление вариантов *единъ и одинъ, седмъ и семь*, церковнославянская огласовка которых, например в оде, довольно последовательно выступает маркером «стиля» [2; 50–51, 87–88].

Любопытно, что при таком внимании к сложившейся литературной традиции Барсов между тем проявляет исключительный интерес к живому употреблению языка, в том числе в его разговорной разновидности. Так, говоря о составных числительных (данный материал у Ломоносова не представлен вообще), Барсов нормализует их современный тип образования, когда «большая (разряды. – И. Д.) поставляются предь меньшими безпосредственно *жъ*», однако при этом дается примечание, что «въ низкомъ употреблении особливо при счете наличныхъ денегъ, или другихъ вещей во множестве, **по большей части** (выделено мною. – И. Д.) противное тому бывает <то есть> единицы выговариваются пре-*ж*де десятокъ, какъ *три десять, четыре десять*, вместо *тринацать, четырнадцать*, также *два пятьдесят, девять девяносто*», а также «*десять десять = двадцать, десять двадцать = тридцать* <...> до последняго *девять девяносто сто*». Несмотря на неактуальность подобных образований для литературного языка исследуемого периода, указанное примечание представляет несомненный интерес для изучения истории русских числительных, поскольку в исследовательской литературе нет более достоверного и развернутого свидетельства как о существовании в русском языке такого типа счета вообще, так и о степени его распространения («*по большей части*!») на данном историческом этапе. В начале XX века примеры типа *один двадцать, два двадцать* отмечаются только в отдельных говорах (владимирских, галицких — у А. А. Шахматова) [10; 146].

С пометой «просто говорится» вводятся в грамматику Барсова и другие языковые факты, например формы «*два рубли а особливо два дни*». Интересно, что данные сочетания не были включены в грамматику Ломоносова, по-видимому, как малоупотребительные: в черновых материалах к его сочинению они характеризуются по-

метой *irregularē*. Между тем именно эти якобы выходящие из употребления формы словосочетаний гораздо чаще, нежели современные, используются в письменности XVIII века на всем его протяжении: «ходять за дровами дни по два и по три» (С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки); «собирает себе в ящичек по два рубля» (А. П. Сумароков. Лихоимец); «онъ за три дни моего приезда умер» (А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву) и др. Функционирование данных конструкций фиксируется в литературном языке и позднее: см., например, в речи московского аристократа Фамусова: «Ешь три часа, а в три дни не сварится!», что также доказывает их жизнеспособность в языке второй половины XVIII века.

Комментарий «по простому употреблению» используется Барсовым и при интерпретации отдельных падежных форм числительных, например, в случае лексем *сорок* и *сто*: «Тв. <...> двумя сты пятью тысячами сорокомъ часовъ <...> (или, по простому употреблению, *сорока часами* <...> либо *сорокью часами*)». И ниже: «восьмью тысячами стои часовъ <...> (либо *сто часами*)» [6; 171]. Указанные примеры находим у Барсова в разделе о «сочинении числительных», тогда как картина словоизменения этих нумеративов отражает, как и в грамматике Ломоносова, только традиционные формы (в Тв. п. – *сорокомъ*, *стомъ*). По всей видимости, именно они оставались востребованными и в литературной практике XVIII века (во второй половине столетия, возможно, и не без влияния ломоносовских норм), поскольку новообразования в парадигме данных числительных если эпизодически и встречаются в исследуемый период, то только в структуре многосоставных количественных нумеративов: «часть из твоихъ сто двадцати ливеровъ» (Вольтер. Человек в сорок талеров. Пер. П. Богдановича), «поставь на сорокъ двухъ столбахъ» (В. Капнист. Ода) [2; 98]. В связи с этим нужно отдать должное наблюдательности Барсова, не только выделившего в употреблении указанные факты, но и верно зафиксировавшего сам источник грамматических новаций.

Примечательно, что в указанных примерах изменение форм данных лексем отчетливо связывается с пониманием их десубстантивации, утратой способности управлять другим существительным: *сорокомъ часовъ*, но *сорокью*, *сорока* только *часами*. Судя по всему, в живом языке конца XVIII века новая норма сочетаемости нумеративов *сто*, *сорок*, *девяносто* (как, впрочем, и новый тип их словоизменения) уже проявляется достаточно активно, однако она продолжает оставаться в этот период на периферии литературного употребления и потому получает соответствующую квалификацию в грамматике Барсова.

Широкая вариативность в представлении имени числительного обнаруживается в исследуемом источнике не только в рамках оппозиции

«штиль» – «простое употребление»: многие дублетные формы нумеративов даются грамматистом вообще без каких-либо помет (по-видимому, как равноправные). Отметим из них те, которых нет в грамматике Ломоносова.

Таковой, например, является форма Тв. п. *четырью* (дается рядом с *четырьмя* [6; 511]), которая изредка также находит отражение в письменных памятниках эпохи [2; 68]. Кодификация данной формы Барсовым, по-видимому, свидетельствует о ее достаточном распространении в языке XVIII века.

Без каких-либо комментариев в парадигме числительного *два* наряду со словоформой *двух* в Род. п. приводится и *дву* (то же в склонении *двести – двух сотъ и дву сотъ* [6; 511–512]). Данная форма начала выходить из литературного употребления начиная с 30-х годов XVIII века, однако восприятие ее как грамматически живой, по всей видимости, находило опору в узусе традиционной письменности, речевых стандартах делопроизводства, а также в большом количестве производных слов типа *двумачтовый*, *двужильный*, *двуугольный*, где *дву* удерживала свои позиции на протяжении всего исследуемого периода [2; 61–64].

В отличие от Ломоносова вариативность синтагматики числительных рефлексируется Барсовым через введенные им категории согласования и управления, вследствие чего Барсов характеризует морфосинтаксические особенности нумеративов практически в терминологии современной лингвистики. Например, о числительных *два – четыре* говорится: «будучи употреблены в именительном падеже, или въ винительномъ <...> не соглашаются в оныхъ падежахъ съ своимъ существительнымъ (а значит, управляют. – И. Д.) <...> впрочем же склоняются сии числительные согласно съ существительными своими» [6; 170]. В число исключений из данного правила закономерно попадают числительные *тысяча* и *сорок* (первое обнаруживает субстантивные свойства и в современном языке), а также «особливые случаи» употребления количественно-именных сочетаний с «разделительным» предлогом *по* [6; 171], на специфику которых первым обратил внимание, по-видимому, тоже Барсов.

Добавим, что наблюдение над порядком слов в словосочетании и предложении позволило создателю «Российской грамматики» оставить ряд ценных замечаний, например, об использовании его для выражения категории приближенности в обозначении числа [6; 172], а также о влиянии последовательности компонентов на предпочтительность именительного или родительного падежа адъективов в составе количественно-именных сочетаний [6; 173].

Подытоживая все вышесказанное, остается только сожалеть о том, что исследуемый труд так и не был опубликован в свое время, иначе «его идеи могли бы оказать влияние на непосредственных последователей» [3; 635], в том

числе и в осмыслении морфологического класса числительных. Несмотря на данное обстоятельство, знаменательно, что современная интерпретация нумеративов в отечественной русистике во

многом опирается на те открытия и продолжается в русле тех традиций, которые впервые были обозначены именно в «Российской грамматике» А. А. Барсова.

\* Работа выполнена в рамках проекта, поддержанного Российским государственным научным фондом (РГНФ), № 15-04-00180, и комплекса мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Примеры из грамматики даются в статье в упрощенной орфографии («ять» заменяется на «е», «и» – на «и»), в остальном орфографический облик текста и пунктуация авторские.

<sup>2</sup> Морфологическая часть описания имени числительного проводится нами здесь и далее по Ленинградскому списку рукописи как наиболее полно отражающему раздел «Этимологии» в грамматике Барсова, а синтаксическая часть – по первому Московскому списку, в котором соответственно сохранился раздел «О словосочинении».

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов В. В. Из истории изучения русского синтаксиса (от Ломоносова до Потебни и Фортунатова). М.: Изд-во Московского ун-та, 1958. 400 с.
2. Дьячкова И. Н. Числительные в русском литературном языке XVIII века. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2010. 236 с.
3. Камчатнов А. М. История русского литературного языка: XI – первая половина XIX века. М.: Академия, 2005. 688 с.
4. Карамзин Н. М. Великий муж Русской Грамматики // Вестник Европы. 1803. № 7. С. 203–206.
5. Макеева В. Н. История создания «Российской грамматики» М. В. Ломоносова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 176 с.
6. «Российская грамматика» А. А. Барсова / Подг. текста и comment. М. П. Тоболовой; Под ред. Б. А. Успенского. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. 776 с.
7. Светов В. П. Опыт нового российского правописания, утвержденный на правилах российской грамматики и на лучших примерах российских писателей. СПб., 1773. 36 с.
8. Сырейчиков Е. Б. Краткая Российская грамматика, изданная для народных училищ Российской империи. СПб., 1787. 75 с.
9. Успенский Б. А. Предисловие // «Российская грамматика» А. А. Барсова / Подгот. текста и comment. М. П. Тоболовой; Под ред. Б. А. Успенского. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. С. 3–30.
10. Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка. М.: Учпедгиз, 1957. 400 с.

D'yachkova I. N., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

#### NUMERALS IN “RUSSIAN GRAMMAR” BY A. A. BARSOV

The article is devoted to the theoretical research of numerals found in the outstanding monument of Russian linguistic thought of the XVIII century – “Russian Grammar” by A. A. Barsov. It is determined that A.A. Barsov was the first national grammar linguist who made an attempt to develop a lexical-semantic classification of Russian numerals. The application of classification’s principles, despite their obvious connection with the European grammatical tradition, does not prevent a researcher from understanding peculiarities of this special language material. The interest of the founder of the “Russian Grammar” is equally manifested both in the attitude towards traditional writing and in the attention paid to the living, “easy to use” language. Such scientific approach allows identification of a broader, than in M. V. Lomonosov grammar, zone of variability in the functions of numerals. This phenomena is observed not only in the Russian literary language but also in the conversational language of the late XVIII century. Particularly noteworthy is an interpretation of syntactic properties of numeration in “Russian Grammar”. This interpretation has common features with other interpretations of modern linguistics.

Key words: numeral, “Russian Grammar” by A. A. Barsov, Russian literary language, XVIII century

#### REFERENCES

1. Vinogradov V. V. *Iz istorii izucheniya russkogo sintaksisa (ot Lomonosova do Potebni i Fortunatova)* [From the history of the study of Russian syntax (from Lomonosov to Potebni and Fortunatov)]. Moscow, 1958. 400 p.
2. D'yachkova I. N. *Chislitel'nye v russkom literaturnom yazyke XVIII veka* [Numerals in Russian literary language of the XVIII century]. Petrozavodsk, Izd-vo PetrGU Publ., 2010. 236 p.
3. Kamchatnov A. M. *Istoriya russkogo literaturnogo yazyka: XI – pervaya polovina XIX veka* [The history of the Russian literary language: XI - the first half of the XIX century]. Moscow, Akademiya Publ., 2005. 688 p.
4. Karamzin N. M. Great man of Russian grammar [Velikiy muzh Russkoy Grammatiki]. *Vestnik Evropy*. 1803. № 7. P. 203–206.
5. Makeeva V. N. *Istoriya sozdaniya “Rossiyskoy grammatiki” M. V. Lomonosova* [The story of the «Russian grammar» by M. V. Lomonosov]. Moscow; Leningrad, Izd-vo AN USSR Publ., 1961. 176 p.
6. “Rossiyskaya grammatika” A. A. Barsova / Podgot. teksta i comment. M. P. Tobolovoy; Pod red. B. A. Uspenskogo [“Russian grammar” by A. A. Barsov]. Moscow, Izd-vo MGU Publ., 1981. 776 p.
7. Svetov V. P. *Opyt novogo rossiyskogo pravopisanija* [The experience of modern Russian spelling]. St. Petersburg, 1773. 36 p.
8. Syreyshchikov E. B. *Kratkaya Rossiyskaya grammatika* [Concise Russian grammar]. St. Petersburg, 1787. 75 p.
9. Uspenskiy B. A. The Foreword [Predislovie]. “Rossiyskaya grammatika” A. A. Barsova / Podgot. teksta i comment. M. P. Tobolovoy; Pod red. B. A. Uspenskogo. Moscow, Izd-vo MGU Publ., 1981. P. 3–30.
10. Shakhmatov A. A. *Istoricheskaya morfologiya russkogo yazyka* [Historical morphology of the Russian language]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1957. 400 p.